

18. Морозова С.А. Права человека: методические аспекты преподавания в школьных обществоведческих курсах // ОШ. 1997. № 3.
19. Морозова С.А., Барабанов В.В. Гражданское образование в системе школьного обществознания // ОШ. 1997. № 4.
20. Соколов Я.В. Граждановедение: учебный курс и образовательная область // ОШ. 1997. № 4.
21. Сушина И.И. Свобода и ответственность // ОШ. 1998. № 5.
22. Терюкова Т.М. Школьное экономическое образование в системе знаний об обществе // ОШ. 1997. № 4.

М. В. Новиков, В. В. Швецов

Карл Беккер: «Каждый сам себе историк»

В 2000 году исполнилось 55 лет со дня смерти американского историка Карла Беккера, месяца не дожившего до капитуляции гитлеровской Германии, события, которого он с нетерпением ждал. Вспомнить сегодня о нём есть и более основательные причины.

Во-первых, в дни методологического “разброда и штаний”, которые охватили отечественную историческую науку в перестроечные времена и от которых она окончательно до сих пор не избавилась, небесполезно обратить внимание на то, как решал методологические проблемы оригинальный американский историк в не менее сложный период развития мировой исторической науки, вынужденный искать новые пути и методы исследования после общественных потрясений и кризисного состояния общественных наук, вызванных, в частности, результатами I мировой войны и русской революции 1917 года.

Конечно, особый интерес это может представлять для людей, занимающихся научно-исследовательской работой. Но такой работой, как отмечал профессор Небраскского университета Ф. Флинг ещё в 1920 году, очень полезно заниматься и школьным учителям истории. Он писал: «Учитель, который не прочитал ни одного, по крайней мере, элементарного пособия по историческому методу и не провёл ни одного, хотя бы незначительного исследования, не имеет одного из самых важных вооружений хорошо подготовленного учителя. Как бы мно-

го ни накопил такой учитель исторической информации, он не достигнет такого научного уровня, который позволил бы ему отделить правду от лжи, научно подходить к противоречивым заявлениям в исторической литературе и защитить себя и своих учеников от плохих и поверхностных исторических писаний» [1]. Насколько это актуально для нас сегодня!

Для учителей-историков Ярославской области этот совет имеет особое значение, поскольку основной формой их квалификационного испытания при очередной аттестации является написание и «защита» творческой работы на ту или иную тему, что как раз и предполагает владение основами научно-исследовательской работы. Между тем, опыт показывает, что наиболее «наукоёмкие» части – методологическое обоснование, актуальность, новизна – и являются самыми слабыми в подавляющем большинстве работ.

Во-вторых, в работах К. Беккера, особенно таких, как «Наш великий эксперимент в демократии: история Соединённых Штатов» и «Свобода и ответственность в американском образе жизни», содержится много такого материала, который с успехом можно использовать на уроках истории и, особенно, граждановедения. Не секрет, что часто занятия по последней дисциплине проводятся с большой долей формализма, оторванно от жизни и конкретной социальной среды, в которой данное явление родилось и развивалось. Отсюда недостаточная их эффективность, а порой и полное отсутствие положительного результата. Беккер учит относиться к демократии и свободе взыскательно, не идеализируя их, показывает, что они – не абстрактные отвлечённые понятия, а сама жизнь, наполненная плотью и трудом, неустанной деятельностью всех членов того или иного общества.

В-третьих, поскольку К.Беккер несомненно является представителем интеллектуальной истории (истории идей), уместно будет дать ей несколько более подробную характеристику и познакомить с ней в первую очередь студентов-историков.

Краткие биографические данные о К.Беккере, находящиеся во 2-м томе Британники, таковы: Карл Лотус Беккер родился 7 сентября 1873 года в окрестностях Ватерлоо (американский штат Айова). Обучался и занимался исследовательской деятельностью в Висконсинском и Колумбийском университетах. Степень бакалавра получил в 1896 г., докторскую степень – в 1907 г. С 1902 по 1916 годы препо-

давал в Канзасском университете, с 1917 до выхода в отставку в 1941 г. работал в Корнельском университете (г. Итака штата Нью-Йорк), почётным профессором которого оставался до конца жизни.

Две крупные научные темы прошли через всё творчество К. Беккера: ранняя американская интеллектуальная история и Просвещение XVIII века. В книге “Начала американского народа” (1915 г.) он обосновывает свою концепцию двойственного характера американской революции (Войны за независимость) 1775–1783 гг.: это была, во-первых, война за независимость от Англии, и, во-вторых, идеяная борьба по вопросу о том, какой характер должно было бы иметь самоуправление в Америке. В последующих своих работах он неоднократно возвращается к этой мысли.

В частности, в книге “Соединённые Штаты: эксперимент в демократии” 1920 г. он писал: “Американская революция… была прежде всего борьбой колоний и Великобритании по вопросу о самоуправлении – борьбой, связанной с проблемой королевского или парламентского правления в Англии, народного правительства или альтернативного, аристократического. Но была также другая фаза революции, представлявшая собой борьбу внутри самих колоний между мелкой торговлей и земельной аристократией, правившей в колониях до сих пор, и “народом”, не имевшим права голоса “чёрным людом”, который теперь стал требовать известной степени политического равенства. Эта борьба шла в течение всего периода противостояния с Англией, с 1765 по 1776 годы; и хотя во время войны она несколько стихла, но возобновилась с новой силой после её окончания. На деле, Американская революция была не только движением за национальную независимость от Великобритании; она была также движением за демократизацию американского общества и политики – движением, которое началось в те дни и продолжается до сих пор и которое является основной линией в нашей истории” [2].

К. Беккер писал об идеальных предтечах и канунах двух революций – французской и американской – но никогда о самих революциях. Можно сказать, существовал некоторый парадокс в том, что историк восхищался блеском ума философов – идеальных отцов революции и ненавидел кровь и насилие революционеров-практиков. Но это не была непоследовательность интеллектуала, это была последовательность

выдержанная позиция приверженца интеллектуальной истории.

Наиболее успешную попытку проникнуть в творческую лабораторию К.Беккера, как кажется, предпринял Д.Сэйбайн, вице-президент Корнельского университета, работавший вместе с ним, критик доброжелательный, но не беспринципный, предпославший последней, посмертной, работе Беккера (“Свобода и ответственность в американском образе жизни” – 1946 г.) большой вступительный очерк о нём. Он отмечал, что отношение Беккера к жизни и его интерес к истории были полностью интеллектуальными. Вся его мыслительная деятельность вращалась в пределах определённого круга идей, снова и снова возобновляясь.

“Для него, – писал Сэйбайн, – типичная, исключительно интересная и ценная часть человеческого поведения лежала в его идеальном измерении – в деятельности разума, в бесконечных попытках приспособить действие к идеальным принципам, даже в создании утопий и иллюзий, которые неизменно сопровождают мыслительный процесс. В этом он, возможно, был настолько же философом, насколько и историком” [3].

В центре внимания Беккера находился мыслительный процесс того или иного отрезка времени, к изучению которого он применял такие инструменты, как **граница** (вслед за Ф. Тернером), понимаемая как тип мышления, “дух приключения и идеализма”, покоящийся на основе концепции “климата мнений”. При их помощи он стремился установить, как индивидуализм, морализм, свобода, равенство и вера в правительство соответствуют образу жизни людей и окружающих их обстоятельств.

По мере своего движения человеческие идеи и идеалы, будь то движение вперёд в пространстве с границей или движение вперёд во времени, встречают новые условия и новую среду, которыми они постоянно преобразуются. Если эти новые условия велики по объёму или протяжённости, как это было в случае с американской границей или когда идеи средневекового христианства столкнулись с торговой и промышленной экспанссией Нового времени, тогда они постепенно придают интеллектуальным и моральным идеям нации или века характерную модель со своим лицом, стилем и манерой, в которые соединяются их элементы и которые, в свою очередь, оказывают воздействие на сформировавшие их силы. Идея не новая, но Беккер сформировал её для себя сам. Его не

случайно привлекала трансформация старых идей под воздействием новых обстоятельств.

К этому необходимо добавить особенности стиля и способа историка излагать свои мысли, что дополнительно затрудняло современникам и потомкам усвоение его мыслей. Сам К. Беккер, по свидетельству Д. Сэбайна, представлял собой комбинацию серьёзности и игры; чувствовалось, что его занимают проблемы реальной жизни и в то же время чего-то отчуждённого, нереального. Но всегда это была "работа ума оригинального и проницательного" [4].

В отечественной справочной литературе имеется следующее определение американской "школы интеллектуальной истории": это школа, ориентирующая на "изучение социально-экономических, философских, научных, религиозных и др. идей, игравших или играющих ключевую роль в процессе познания". Таким образом, интеллектуальная история – это «история познавательных, т.е. отправных, ключевых в процессе познания (когнитивных)... идей в их конкретной связи с современными и прошлыми социально-политическими действиями и событиями». Автором самого термина «интеллектуальная история» называется американский историк П. Миллер («Сознание Новой Англии», 1935); окончательное оформление школы относится к середине 1970-х годов [5].

Если согласиться с вышеприведёнными сведениями, то необходимо их всё же дополнить: 1) складывается американская школа интеллектуальной истории значительно раньше середины 30-х годов, когда она обрела название, о чём как раз и свидетельствует пример К. Беккера; 2) понятие «интеллектуальная история» значительно шире её американской школы, сужение всего явления до последней в большой степени обделяет его, лишает масштабов и перспективы.

В частности, давая характеристику истории как исторической субдисциплины, нельзя не упомянуть вклад в её развитие французских историков, например, разработку Л. Февром понятия «менталитет», появление в связи с этим понятий «история менталитета», «ментальная история». И большим упущением было бы игнорировать при определении статуса и формирования круга проблем, рассматриваемых интеллектуальной историей, русскую историческую традицию. В настоящей статье достаточно будет сослаться на работы П.Л.Лаврова «Исторические письма» и «Задачи понимания истории», имевшей характерный

подзаголовок «Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли» [6], а также привести довольно интересное мнение П.Н.Новгородцева, относящееся к методологии интеллектуальной истории (статья «Об историческом и философском изучении идей»):

«...Основное правило исторической методы при объяснении идей следовало бы сформулировать так: исходя от фактов исторической действительности, не подставлять их в качестве исчерпывающих мотивов под абстрактные теории; прослеживая длящиеся традиции и постепенно накапливающиеся впечатления мысли, не стараться сводить исключительно к ним всю систему идей писателя; говоря о конкретных поводах к образованию известной теории, не отыскивать во что бы то ни стало их отражения даже и в наиболее отвлечённых вершинах философской мысли. При этих условиях историческое изучение доктрин получит тот вид, на который нас единственно уполномочивает точная метода: не отваживаясь давать исчерпывающих объяснений, мы будем говорить лишь о замеченной нами связи идей с историческими условиями» [7]. Очевидно, что эти представления витали в воздухе на переломе двух последних веков, и К. Беккер просто был талантливым их интерпретатором.

Заслуживают внимания взгляды на интеллектуальную историю американского историка К. Бrintона. В книге «Формирование современной мысли» он писал, что «область исследования, известная как интеллектуальная история или история идей, не является чётко очерченной и простой». «Интеллектуальные» историки имеют дело с широким кругом проблем: от идей великих мыслителей до того, о чём думают люди «с улицы». Однако главной их задачей является попытка выяснить «отношения между идеями философов, интеллектуалов, мыслителей и действительным образом жизни миллионов, создающих цивилизацию».

Учёных этого типа интересуют самые разнообразные идеи: рассуждения здравого смысла, утончённые фантазии и вульгарные предрассудки, но в них их интересует только то, как эти продукты мыслительной деятельности человека влияют на всё существование его и как они сами изменяются под влиянием человека. Он может иметь дело с самыми рафинированными абстрактными идеями только для того, чтобы проследить, как они проникают в сердца и умы простых людей и как ведут себя эти люди под воздействием этих идей: «Это

нелёгкая задача. Интеллектуальные историки стараются определить чрезвычайно сложный ряд отношений между тем, что немногие пишут и говорят, и тем, что многие делают на самом деле» [9].

«Быть историком менталитета в высшей степени трудно, – замечает А.Я.Гуревич, – не только потому, что такого рода исследование требует вдумчивости и изобретательности, но и вследствие необходимости ориентироваться во многих соседних науках»⁹. В этом отношении К. Беккер сделал максимум возможного, что мог бы сделать историк конца XIX- начала XX века: он пристально следил за современной ему естественнонаучной литературой и живо интересовался философией, особенно большое влияние на него оказал прагматизм, этот «единственный уникальный вклад американской философии в традицию, известную как западная философия» [10].

Как считал Д. Сэбайн, из занятий естественными науками Беккер вынес весьма неоригинальное заключение – всё сугубо сует: человек один в безразличной Вселенной; он страдает, мыслит, ставит цель и стремится к ней, а в конце – поражение. Изучение науки и истории ведёт к пониманию того, что мир – это «бесконечные изменения, бесконечные пересмотры, бесконечные преобразования; и в лучшем случае – только временные остановки или относительные достижения». Отсюда известная фраза Беккера: «всё нестабильно, кроме идеи нестабильности».

Если в естественных науках и философии он был всё-таки дилетантом, то его отношение к истории было иным. Исходным положением в его взглядах на историю можно считать концепцию «климата мнений» (выражение А.Уайтхеда), определившую для историка цель исторического сочинения. Она состояла в том, чтобы уловить в воображении «климат мнений» прошлого и тщательно описать его сначала в терминах проявлений мощных общественных сил – экономических или социальных, которые формируют век, а затем в понятиях интеллектуальных, моральных и идеальных установок, составляющих разум века. Наконец, на свет выходят человеческие индивиды как создатели и преобразователи идей.

К. Беккер не обольщался на счёт этого метода, который состоял в выведении абстракций и генерализаций (обобщений), ни в коем случае не способных даже пытаться исчерпать «ушеломляющее богатство и разнообразие человеческой натуры». «Ну хорошо, – говорил

Беккер, – генерализация развёртывается в пространстве, но как заставить эту противную вещь двигаться вперёд во времени! Генерализация, являясь вневременной, не пойдёт вперёд; поэтому обеспокоенный историк, вынужденный подвигаться в своей работе, должен каким-то образом вернуться к личности, конкретному событию, «тонкой красной линии героев».

Другая трудность состояла в том, что любой «климат мнений» прошлого никогда не выступает в чистом виде, он представляет собой смешение **нового** того времени и **традиционного**, перешедшего от предшествующего времени. Но это только половина трудности, так как и сам историк действует в соответствии с «климатом мнений» **своего** времени, из которого он может вырваться точно с таким же успехом, как и герои его творения. Работа историка – это часть процесса, в котором его «климат мнений» «переписывает» прошлое для сегодняшних целей.

«История, как видит её Беккер, – замечает Д. Сэбайн, – похожа на зал с множеством зеркал, в которых один воображаемый образ отражает другой до тех пор, пока воображаемая реальность не исчезнет в никогда не кончающейся веренице воображаемых образов. Нет ни одного абсолютно зафиксированного мгновения, даже того момента в настоящем, с которого историк рассматривает движение мгновений прошлого» [11].

Здесь описаны два главных обвинения, выдвигаемых против К. Беккера и при его жизни, и некоторыми методологами до сих пор. Рассмотрим первое из них – требование подходить к событиям прошлого с позиций сегодняшнего дня. С точки зрения представителей традиционной «объективной» науки это была непростительная ересь – она подрывала устои исторической науки со времён Л.Ранке, требовавшего от историка писать историю «как она есть».

В изложении нового взгляда на историю К. Беккер не был ни первым, ни единственным. В 1912 г. в США выходит книга Д. Робинсона «Новая история», в которой высказывалась мысль о том, что назначение историка состоит не только в описании событий прошлого, но и в отыскании ответа на вопрос о том, каким путём из прошлого образовалось настоящее. Мысль автоматически отбирает то, что нам необходимо из прошлого, чтобы сделать понятным настоящее. Только в этом случае – предоставляя данные для решения современных проблем – история становится «практически полезной»

[12]. Если такой подход к назначению истории со стороны американских учёных при желании можно было объяснить влиянием прагматизма, то что же можно было сказать об итальянце Б.Кроче, англичанине Р.Коллингвуде, придерживающихся таких же взглядов?

В России яркое описание нового методологического подхода дал Р.Виппер: “Общественная наука, в конце концов, есть автобиография общества. С течением времени автобиография не только добавляется новыми главами; она постоянно и на всём протяжении перерабатывается с новых точек зрения. Эти постоянно обновляемые точки зрения – вовсе не досадный придаток, вовсе не “ зло” субъективизма. Они составляют живую, двигающую и организующую силу общественной науки. В свою очередь, они образуются из новых впечатлений, настроений и запросов, вызываемых жизнью того самого современного общества, которое желает иметь науку о себе и для себя. Это общество неизбежно старается найти в обществе прошлого если не портрет свой в более молодые годы, то фамильное сходство; оно хочет знать, были ли раньше жизненные запросы, аналогичные современным, и как они решались; оно способно даже в несчётное количество раз переживать старые драмы прошлого, хотя в их слишком знакомом исходе нет никаких сомнений.

Больше того. В лице своих научных представителей общество может, сообразно возникающим в его среде новым запросам и постановкам, открывать неведомые до тех пор исторические перспективы, совершать настоящие превращения картин прошлого. Новые идеи в истолковании истории – в сущности новые резервы явлений, новые углы зрения, образуемые силой вновь возникаемых общественных впечатлений” [13].

Неспособные уловить эвристический характер нового метода, сторонники традиционной школы в истории заклеймили “еретиков” презентистами, что означало крайний субъективизм, ненаучность. Тем более им было трудно понять К.Беккера, чей взгляд на историю был “интеллектуально сложным в высшей степени”. Но то, что он был противником “объективной” истории, было понятно всем: все его работы имели сознательную направленность против неё.

“Объективная” история для Беккера, – это история для самой себя, история во имя истории, она казалась ему чем-то похожей на определённую литературу ухода от действитель-

ности. Представление о том, что факты должны “говорить за себя”, что историю можно сделать научной приёмами критики документов или простым подавлением самых обычных общественных интересов историка и его ценностных убеждений, противоречило беккеровскому пониманию философии и истории. Оно игнорировало психологическую связь эмоций с разумом, а также то, что каждый историк, даже самый научный, должен иметь те или иные предпочтения, проявляющие себя при отборе и объяснении им исторических фактов.

К. Беккер не признавал “объективную” историю не потому, что считал её идеально бедной. По его мнению, уклонение историка от философских и практических обязательств означало его отступление от своего высокого призыва. История ради истории никогда не сможет стать серьёзной историей, также как искусство ради искусства – это не высокое искусство, а эстетство.

Более того, “объективная” история, полагал К. Беккер, подвергает себя риску стать просто-напросто тривиальной историей: “Надеяться найти что-либо, не организуя поисков; ожидать получения ответов на загадки жизни, решительно отказываясь задавать вопросы – это поистине самый романтический вид реализма, когда-либо изобретённый, самая странная попытка получить что-то ни за что” [14].

Ответ на обвинения во втором “грехе” – релятивизме – тоже следует искать в беккеровском восприятии истории. Ещё в 1912 г., когда вышла книга Д.Робинсона, он приветствовал появление новых веяний исторической методологии. Но самый сильный протест против “научной” истории начинается в 1920-е годы. Широко распространено мнение, что межвоенный период для него был временем “уныния и расцущего философского пессимизма”. Но тогда же шло формирование собственного методологического видения К.Беккера.

Настоящей его тайной было то, что история для него была не только профессией, но и самой жизнью, а изучение истории – делом в высшей степени серьёзным, потому что в его понимании была не каким-то случайнм или посторонним аспектом человеческого опыта, а чем-то коренящимся в природе самого сознания. Отсюда, в сущности, она не является творением историков, а чем-то таким, что каждый человек должен по необходимости делать для себя сам, независимо от того, каким несовершенным и с какой примесью мифов и иллюзий будет выглядеть этот труд. Статус историка

важен, потому что, в соответствии с неким социальным разделением труда, он выполняет, следуя профессиональным критериям, то, что обычный человек всегда делает в соответствии с грубыми стандартами своего собственного ограниченного опыта.

Вот в этом и состоял глубинный смысл знаменитой фразы К. Беккера: “Каждый сам себе историк!” Такое название носил его Президентский адрес Американской исторической ассоциации, президентом которой он был избран в 1932 г. Надо сказать, что президенты АИА нередко выбирали для своих обращений броские заголовки: У. Тайер (1918 г.) – “Причуды историков”; Ч.Бирд (1935 г.) – “Написанная история как акт веры” и т.д., причём заголовок нередко подкреплялся соответствующими заявлениями, которые обескураживали “ортодоксальных” мастеров исторического письма. Так, У.Тайер писал:

“Я долго сомневался в точности или правильности названия истории наукой. Мы исследуем исторический материал так же, как химик свой, но из-за этого не следует полагать, что эти два материала идентичны или что применение схожих методов историками и химики делает историю такой же наукой, как и химия... По большому счёту я чувствую, что, чем меньше историк имеет дело с наукой, тем лучше” [15].

Среди самых яростных критиков исторических взглядов К. Беккера и его единомышленников была советская официальная “материалистическая” историография, для которой пример Беккера и его коллеги Ч. Бирда стал лучшим доказательством упадничества и бесплодности западной буржуазной истории. Насколько живы оказались эти стереотипы, можно проследить на примере того же А.Я. Гуревича. В цитированной уже статье, убеждая, что “не нужно страшиться релятивизма и видеть в нём признак кризиса исторической мысли”, он в то же время пытается защитить американских релятивистов: “Заявления впавших в “методологическую панику” презентистов о том, что каждый историк якобы сочиняет свою собственную историю, оказались настолько несостоительными, что провозгласившие подобные тезисы К. Беккер и Ч. Бирд в собственных трудах им не следовали” [16].

Так ли это? Продолжая изложение взглядов К. Беккера на историю и историческое творчество, отметим, что, по его мнению, человеческий опыт делает историчным: то, что настоящее сознание каждого человека является не

чем иным, как точкой, расположенной между прошлым и будущим. Сознание является наследием быстро текущего настоящего, которое всегда уходит в прошлое и уступает место новому настоящему. Настоящее может стать таким коротким, как мы захотим, вплоть до размеров точки. А с другой стороны, оно может быть и очень длительным: мы говорим о настоящем моменте, настоящей эпохе, эре и т.д.

Прошлое соединяет с настоящим необыкновенная сила памяти, и можно сказать, что история, скатая до своих крайних пределов, – это просто память о том, что делалось и говорилось в прошлом. Память проникает в прошлое и извлекает оттуда для каждого человека его “маленький мир личного опыта”, координируя сказанное и сделанное вчера с его сегодняшними восприятиями и с тем, что будет сказано и сделано завтра: без этого историческое знание, эта память о сказанном и сделанном, его **сегодня** – бесцельно, **завтра** – не имеет значения. Но настоящее, равным образом, привязано к будущему не менее странной силой ожидания и предчувствия, надежды и страха, и память – это не бессмысленное или немотивированное воскрешение прошлого, а воскрешение главным образом во имя цели, которую надо достичь в будущем [16].

Термин “релятивизм” имел для Беккера прямое значение, а не то, которое придавали ему критики. Релятивизм в исторических сочинениях был неизбежен: их авторы по необходимости выступали как представители своего времени; поскольку сознание человека отбирает в прошлом то, что необходимо ему в соответствии с сегодняшними целями, историк, также как и всякий другой человек, должен извлекать из своих документов и источников такие факты, которые, как ему кажется, имеют современное звучание. Поэтому сам Беккер углублялся в источники лишь настолько, насколько это требовалось поставленной им целью. С историческими документами он работал тщательно и вдумчиво, но неставил непременной задачей изучить весь круг источников исчерпывающим образом.

С фактами историк обращается не как с зеркальными отражениями действительности, а отбирает и интерпретирует их, чтобы сблизить с потребностями сегодняшнего дня, которые, в свою очередь, зависят от целей будущего. Поэтому история должна постоянно переписываться и приводиться в соответствие с современностью, даже если не появилось никаких новых фактических данных – со временем ме-

няются и цели историка, и общество меняется от поколения к поколению. Историком руководят, как и всеми людьми, практические интересы и интеллектуальные силы века, в котором он живёт. Самое меньшее, что историк может сделать, – это отобрать и расположить факты в том порядке, который кажется ему существенным в свете того, что, как он полагает, будет сделано или должно быть сделано.

Сам Беккер так определял релятивизм: “Я понимаю под релятивизмом только то, что старые взгляды всегда заменяются новыми, что факты, отбираемые или опускаемые историками, взаимосвязи между этими фактами, на которые они делают ударение, в немалой степени зависят от “подхода”, который кажется историкам значительным, а этот подход, в любое данное время считающийся ими важным, во многом зависит от общественного положения, в котором они оказываются” [17].

Закончить настоящий материал, являющийся, конечно, лишь вступлением к изучению творчества К.Беккера, будет логично словами Д. Сэбайна: “Карл Беккер замечательным образом соединил в себе качества острого и критического ума с гуманностью чувства и действия. В своём интеллектуальном становлении он испытал всё негативное влияние современного научного и философского критицизма... С редкой интеллектуальной чувствительностью он отзывался на все течения изменяющейся социальной ситуации и общественной мысли в век, когда перемены были быстрыми и когда мысль должна была быть ненаправленной и противоречивой” [18].

Примечания

1. Fling F. The Writing of History. An Introduction to Historical method. 3-ed. New Haven, 1926. P.8.
2. Becker C. The United States: An Experiment in Democracy. N. Y. & L., 1920. P.34-35.
3. Sabine G. Carl Lotus Becker // Becker C. Freedom and Responsibility in the American Way of Life. N.Y., 1946. P.VIII-IX.
4. Ibid. P.IX.
5. См.: Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С.400.
6. При подготовке статьи использовались издания книг П.Л. Лаврова, опубликованных под псевдонимом С.С. Арнольди: Арнольди С.С. Исторические письма. 2-е изд. СПб., 1905; Он же. Задачи понимания истории.

Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. 2-е изд. СПб., 1903.

7. Новгородцев П.Н. Об историческом и философском изучении идей // Вопросы философии и психологии. Кн. IV (54). Сентябрь-октябрь 1900. С.668-669.
8. Brinton C. The Shaping of Modern Thought. Englewood, 1963. P.4.
9. Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. № 2-3. С.33.
10. More E. American Pragmatism: Peirce, James, and Dewey. N.Y., 1961. P.VII.
11. Sabine G. Op. cit. P. XIII-XV.
12. Robinson J. The Modern History: Essays Illustrating the Modern Historical Outlook. N.Y., 1912. P. 17-19.
13. Виппер Р. Новые направления в философии общественной науки // Мир Божий. 1903. № 11. С.60-61.
14. Becker C. Everyman His Own Historian. N.Y., 1935. P.250.
15. Гуревич А.Я. Указ. соч. С.32-32.
16. Sabine G. Op. cit. P.XX-XXI.
17. Цит. по: Ibid. P. XXIII.
18. Ibid. P. VII.

A. Винтерлинг*

Политическая цивилизация греко-римской античности

I.

Античная цивилизация имеет основополагающие отличия по сравнению со всеми другими письменными цивилизациями до Нового времени. Месопотамия, Египет, Китай, Индия, Центральная Америка, средневековая Европа, так же, как и критско-микенская культура в

* Данный доклад был сделан в апреле 2000 г. в рамках двух конференций (в Ярославском педагогическом и Костромском университетах), цель проведения которых – повышение квалификации учителей. Они были посвящены вопросу “Формации или цивилизации?” и финансировались из средств проекта “Темпус-Тасис “История II”. Я благодарю И.Н. Мирославскую за перевод доклада на русский язык, Т.Б. Перфилову за критическое прочтение текста и профессора М.В. Новикова за предложение опубликовать статью в журнале “Ярославский педагогический вестник”